

НАЦИСТСКОЕ ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА ОККУПИРОВАННОМ СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1942-1943 гг.: ПЛАНЫ И ПРАКТИКИ

А.А. Татаров

В статье представлены концептуальное и практическое измерения нацистской военной администрации на Северном Кавказе в 1942-1943 гг. Актуальность проблемы обусловлена существованием академического положения об «особой» политике Германии на оккупированной части Северного Кавказа. Анализ отечественных архивных источников и зарубежных документов позволил реконструировать некоторые аспекты оккупационной политики Германии накануне и в период битвы за Кавказ. Планы Германии не были лишены внутренних противоречий. Ясно поставленная цель овладеть ресурсами и геополитическими выгодами Кавказа сосуществовала с идеей применения обновленной оккупационной стратегии и пропаганды, способствующей предотвращению сопротивления местных этносов, проявивших в прошлом устойчивость государственному вмешательству. Пакет документов по оккупации Кавказа и экспертные заключения некоторых немецких военно-политических акторов являются источником концепции «особой» оккупационной политики, в основе которой лежат идеи возрождения традиционных кавказских институтов и сдержанного применения военного насилия в национальных регионах. Автор подчеркивает, что между теорией и практикой оккупационной политики проявился значительный разрыв, связанный с провалом планов Германии завоевать весь кавказский регион, учредить рейхскомиссариат «Кавказ» и создать эффективную систему управления в зоне оккупации. Обосновывается, что логика оккупационной политики не соответствовала идее реализации «особого» подхода. На практике структура и функции военной администрации сводились к политическому обеспечению экономической эксплуатации. На Северном Кавказе была развернута система хозяйственных служб, нацеленных на вывоз стратегических ресурсов и ценностей, а карательные органы получили возможность выполнения своих стандартных функций.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Германия, битва за Кавказ, военная администрация, кавказский эксперимент, «особая» оккупационная политика.

В советской историографии проблема нацистской оккупации рассматривалась через призму карательных действий и экономического ущерба. По политическим соображениям и в связи с ограниченными методологическими рамками многие аспекты оккупации оказались табуированы для советских исследователей. В постсоветской историографии нацистский оккупационный режим, который зачастую определяют как «новый порядок», стал объектом для новых подходов. Во многом методы переоценки проблемы связаны с ощутимым смещением акцента исследований в сторону освещения не столько

деструктивных последствий оккупации, которые были детально изучены в советской историографии, сколько структурных и концептуальных измерений. Возрос интерес ученых и к этно-территориальным аспектам военно-политических планов Германии в период Второй мировой войны, в частности к так называемому «кавказскому эксперименту».

На наш взгляд, О.В. Романько удачно определяет «кавказский эксперимент» как многогранную политику привлечения к сотрудничеству автохтонных этнических групп – как на Кавказе, так в перспективе и в среднеазиатских регионах [1, 66]. Эта

политика подразумевала не только оккупационную стратегию, но и создание воинских частей вермахта, укомплектованных представителями народов Кавказа. Данные формирования должны были использоваться (и частично использовались) в период кавказской компании для воздействия на политические настроения местного населения и срыва дисциплины в частях Закавказского фронта. Другими словами, исследователь подчеркивает направленность эксперимента на население Кавказа не в советском тылу, а прежде всего в зоне оккупации и непосредственного контакта. В этом контексте наш подход к Северному Кавказу в период битвы за Кавказ связан с анализом системы управления на территориях, оказавшихся в 1942-1943 гг. под контролем вермахта.

В июле 1941 г. руководство Германии запланировало создание на оккупированной территории СССР крупных политических образований – рейхскомиссариатов («Прибалтика», «Остланд», «Украина» и «Кавказ») во главе с рейхскомиссарами. С завершением завоевательных действий должен был состояться переход от военного управления к гражданскому. Принципы немецкой концепции гражданского управления базировались, в частности, на реформах Г. фон Штейна, заложивших основы идеи прусской стабильности и порядка в начале XIX в., и «Положении о германских общинах» (1935).

Приближение линии фронта к Кавказу в 1942 г. актуализировало создание конкретного плана оккупационной политики, и в этом приняли участие различные государственные структуры: как службы военных штабов, разведки и безопасности, так и гражданские органы власти – рейхсминистерство оккупированных восточных территорий и МИД. Весной 1942 г. произошел конфликт между представителем МИД Германии графом В. фон Шуленбургом, который прежде был послом в СССР, и рейхсминистром оккупированных восточных территорий А. Розенбергом. Предметом спора являлось стремление каждой из сторон контролировать переговоры с кав-

казскими эмигрантами, участие которых считалось одним из ключевых аспектов выработки политики на Кавказе. Потребовалось даже вмешательство А. Гитлера, который в итоге поддержал А. Розенберга и его «восточное министерство» [2, 213–214].

Данное ведомство уже в 1941 г. накопило значительные данные о многообразии и истории народов СССР [3, 29]. Но основная работа сотрудников «восточного министерства» развернулась накануне и в период битвы за Кавказ. С открытием доступа к ранее секретным архивным фондам Государственного архива Российской Федерации у нас появилась возможность оценить масштабы кавказского вопроса в политике Германии. Наиболее содержательными являются документы «О политическом будущем Кавказа», «Вопрос о кавказских воинских частях» и «О преобразовании Кавказа». Последний документ подготовил А. Розенберг, бывший подданный Российской империи, окончивший Московское техническое училище в 1918 г. Розенберг полагал, что политическая задача на Кавказе заключалась в организации системы управления, которая способствовала бы достижению экономических целей, а именно эксплуатации стратегических ресурсов. Суть же геополитической задачи состояла в том, чтобы «обеспечить безопасность континентальной Европы... [и] связь с Ближним Востоком» [4, 109]. Необходимые консультации для понимания специфики вопроса исходили от профессора Г. фон Менде, знатока Востока и ислама и еще одного бывшего гражданина Российской империи, а также от О. Бройтигама, имевшего до войны значительный опыт профессионального дипломата в Азербайджане и Грузии. Оба специалиста активно работали в специальных отделах министерства оккупированных восточных территорий [2, 216].

Дальнейший анализ разработки Германией кавказского вопроса переносит нас к документам генерального штаба Главного командования сухопутных войск (ГКСВ). Розенберг поддерживал связь с данным ведомством, будучи уверенным, что действия

оккупационных войск на Кавказе должны оставаться в рамках осторожной политики. В свою очередь документы ГКСВ отмечали, что, в отличие от других национальных советских областей, на Кавказе имелось больше возможностей для успеха пропаганды, «так как кавказским народам можно обещать значительно больше» [5, 271; 6, 606].

Специализированная пропаганда, адресованная народам Кавказа, рассматривалась как залог создания эффективной системы управления. Параллельно наступлению немецко-румынских дивизий на юг СССР в июле-августе 1942 г. в регионе распространялись листовки с самыми разными обещаниями – от ликвидации колхозов, возрождения частной собственности и религии, реставрации дореволюционных порядков до свободы ношения черкески и холодного оружия [7, 1].

Первые серьезные трещины планов Германии на Кавказе стали появляться осенью 1942 г., когда замедлилось продвижение оккупационных войск. Мечты о господстве над всем регионом и рейхскомиссариате «Кавказ» стремительно таяли. Примечательно, что к этому времени уже были сделаны необходимые приготовления: А. Шикеданц занял должность рейхскомиссара, были подготовлены штатные сотрудники и разработано административно-территориальное деление. Рейхскомиссариат планировалось поделить на пять генеральных комиссариатов, горские автономии Северного Кавказа сохранялись в тех же границах, но под названием зондеркомиссариатов [5, 224–225]. Очевидно, что данный проект во многом базировался на принципах сложившегося советского административного деления.

На фоне провала немецкого плана быстрого захвата Кавказа стало ясно, что Германия должна подстраиваться под конкретные обстоятельства. За недолгий период оккупации части Северного Кавказа ключевые аспекты управления опирались на ряд документов, и в первую очередь на приказ Гитлера от 8 сентября 1942 г., который оказался среди трофейных документов западных союзников СССР. Гитлер

назначил генерал-фельдмаршала В. Листа, возглавлявшего армейскую группировку на юге СССР (группа армий «А»), «главнокомандующим Кавказа». В зону его ответственности входили территории к югу от Краснодара и Ворошиловска (Ставрополя). В архивных фондах нам не удалось обнаружить формулировку «главнокомандующий Кавказа», но при этом встретились упоминания «Северо-Кавказского края» с центром в Ворошиловске (там же располагался штаб группы армий «А») [8, 18] и «Главнокомандующего германской армии» [7, 1]. В гитлеровском приказе также отмечалось, что «умиротворение» региона являлось основной заботой оккупационных органов власти, но при этом считалось недопустимым формирование самостоятельных национальных правительств в условиях проходящей военной операции [9, 499–500].

В приложении статьи немецкого историка М. Цайдлера мы находим другой важный документ. В кавказской армейской группировке распространялся приказ командования группы армий «А», который утверждал принципы оккупационной политики: внимательное отношение войск к местному населению (не считая партизан и врагов Германии), быстрое решение вопроса об отмене колхозов, восстановление свободы религии и традиций, осторожное отношение к женщинам и т.д. [9, 496]

Среди оккупационных войск распространялась «Памятка о поведении среди кавказских народов», которая знакомила с неизвестными немцам особенностями быта и традиций местного населения – сильное чувство национальной гордости, прочные родственные связи, свободолюбие, ненависть к насильственному подчинению. Оккупационные воинские части должны были с уважением относиться к традициям и религии, не использовать здания мечетей в хозяйственных целях и учитывать институты гостеприимства и уважения к старшему поколению [10, 30–31].

Одним из главных инициаторов «продуманной» оккупационной политики на Кавказе являлся Э. Вагнер, генерал-квартирмейстер упомянутого выше генштаба

ГКСВ. По некоторым сведениям, он повлиял на «либеральное настроение» Гитлера и его решение поставить подпись в приказе от 8 сентября 1942 г. [11, 102]. Ряд сотрудников Вагнера разделяли его идеи – К. фон Штауффенберг из орготдела генштаба ГКСВ и Х.Ш. фон Альтенштадт (отдел по работе с оккупированным гражданским населением) [12, 248]. В своих рекомендациях Альтенштадт полагал, что автохтонное население Северного Кавказа, с учетом его истории, может чувствительно воспринимать некоторые формулировки пропаганды; поэтому частое использование слов «независимость», «свобода», «сотрудничество», по его мнению, было бы желательным [9, 489].

Таким образом, на командующего группой армий «А» Листа и его штаб были возложены обязанности создания оккупационной администрации на Северном Кавказе. Первым шагом являлась ликвидация советской администрации. Согласно «Воззванию Главнокомандующего германской армии к населению Кавказа» прекращалась деятельность всех «коммунистических и еврейских органов» [7, 1]. Другим направлением было привлечение полевых специалистов. Была учреждена должность уполномоченного министерства оккупированных восточных территорий при штабе группы армий «А», задачей которого являлась координация политико-административных преобразований на Северном Кавказе [5, 254]. В сентябре 1942 г. вакансию занял О. Бройтигам, по рекомендации Вагнера, направленной Гитлеру [14, 230; 5, 264]. Однако Бройтигам прибыл в штаб группы армий «А» в Ворошиловск с большим запозданием в конце ноября 1942 г. [15, 139], когда до завершения оккупации Северного Кавказа оставалось немногим более месяца. В декабре 1942 г. он вместе с немецкой делегацией посетил ряд населенных пунктов в Кабардино-Балкарии [16, 543].

В отсутствие Бройтигама заметную активность проявлял генерал Э. Кестринг, который в сентябре 1942 г. был назначен уполномоченным по вопросам народов

Кавказа при группе армии «А». Выбор был не случайным – Кестринг родился и получил образование в Российской империи и свободно говорил по-русски. По немецким свидетельствам, генерал был сторонником «мягкой» оккупационной тактики и в ходе встречи с командующим 1-й танковой армией Э. фон Клейстом настаивал на том, чтобы «солдаты обращались с местным населением правильно и вели себя так, будто они находятся на маневрах в своей собственной стране» [17, 229, 235]. Интерес к Кавказу проявляли и другие представители армейской верхушки, и это подчеркивало их стремление к установлению контактов с населением. Особую роль в этом контексте приобрели неоднократные встречи с группами местных старейшин [18, 444], которые открывали «новому порядку» доступ к использованию традиционных институтов в стратегии управления.

В тыловых районах под контролем вермахта основными управленческими единицами являлись ортскомендатуры (местные комендатуры) и фельдкомендатуры (полевые комендатуры). Всего в зоне нацистской оккупации в годы Второй мировой войны действовало около 1000 ортскомендатур. Фельдкомендатуры охватывали более обширные территории. Все комендатуры имели свои номера полевой почты (Feldpostnummer)¹. Прежние административные границы в этой логике не всегда учитывались. Например, на территории Кабардино-Балкарии в сентябре 1942 г. действовала инструкция ставропольской фельдкомендатуры [19, 1].

Роль вспомогательной гражданской администрации, к работе в которой привлекались местные жители², на Северном Кавказе была в общем виде такой же, как в других зонах оккупации. В то же время здесь открывались широкие возможности формирования национальных представительств для облегчения управления в многоязычном регионе. Примечательно, что, например, оба состава «Национального представительства интересов Кабардино-Балкарии» формировались с учетом местного этнического состава [20, 1; 21, 59].

Структура гражданского управления на Северном Кавказе не подчинялась единым стандартам. В Кабардино-Балкарии бургомистры управляли не только городами, но и селениями и иногда районами [20, 1]. Сомнительно, что подобные допущения стали результатом небрежного отношения к социально-экономическим и демографическим особенностям занятых территорий, скорее, они были вызваны стремлением адаптировать немецкую модель гражданского управления.

Работа карательно-правоохранительной системы на оккупированном Северном Кавказе предусматривала самую непримиримую борьбу с враждебными элементами. Систему карательных служб и полиции в регионе возглавлял группенфюрер СС Г. Корземанн, о котором известно совсем немного. Еще до окончания битвы за Кавказ Г. Гиммлер отправил его в отставку, обвинив среди прочего в пристрастии к алкоголю и в слабом уровне выполнения должностных обязанностей [22, 208]. При группе армий «А» действовала айнзатц-группа D бригадефюрера СС В. Биркампа. Документы свидетельствуют о повсеместном применении полевой жандармерии и опергрупп СД. Развертывание этих структур демонстрирует то, что в регионе функционировали стандартные для других оккупированных территорий репрессивные механизмы.

Зная об очевидном участии карательных служб в репрессиях – эти вопросы хорошо разработаны уже в советских трудах, – мы должны также внимательно оценить позицию военной администрации. Очевидно, что репрессивная политика базировалась на действиях или бездействии комендатур и командующих воинских частей. Несмотря на усилия Э. Кестринга и Э. фон Клейста, военная администрация не препятствовала работе служб безопасности [23, 252]. В ходе решения вопроса о горских евреях в районе Моздока, где в сентябре 1942 г. число жертв составило 850 чел., военные поддержали действия айнзатцкоманды 10b штурмбаннфюрера СС А. Перштерера [24, 105].

В декабре 1942 г. Перштерером был поднят вопрос об уничтожении трехтысячной горско-еврейской общины в Нальчике. На этот раз военная администрация действовала осторожнее. Генерал Кестринг подтвердил расовую «приемлемость» горских евреев, напоминая о фактах их службы в царской армии, в которой евреи традиционно не служили [17, 235]. Бройтигам высказал бригадефюреру Биркампу опасения относительно возможной враждебной реакции местного населения в случае проведения массовых репрессий [16, 535]. Вагнер призывал не спешить с решением вопроса до завершения военной операции на Кавказе [9, 498]. В конечном итоге вопрос о горских евреях Нальчика остался открытым, и лишь завершение оккупационного режима в январе 1943 г. стало гарантией их окончательного спасения.

Нам многое известно об ущербе советских предприятий, сельского хозяйства и огородных хозяйств в зоне нацистской оккупации, но в тени все еще остается роль специальных служб, которые были нацелены на вывоз сырья и ценностей с Северного Кавказа. Розенберг не скрывал, что Кавказу уготована судьба площадки для жесткой экономической политики [5, 163–164]. Один из сотрудников «восточного министерства», Фекенштедт, выразил эту мысль другими словами: «Завоевать симпатии кавказских племен... означает получить от них все, что мы желаем» [5, 270].

Прежде всего речь шла о нефти региона. Хозяйственная инспекция «А» координировала вывоз ресурсов из региона. Несмотря на получение доступа к Майкопу и Малгобеку в августе-сентябре 1942 г., первоначальные грандиозные планы провалились на фоне необходимости восстановления нефтяной промышленности, разрушенной в ходе советской эвакуации и боевых действий. В конце 1942 г. специалисты акционерного общества «Kontinentale Öl AG» определили долгий путь возвращения Майкопского и Грозненского участков к довоенным показателям (4 млн. тонн нефти в год): 1 млн. тонн к концу 1943 г., 2 млн. тонн

к середине 1944 г., 3 млн. тонн к середине 1945 г. [25, 137–138].

При охранных дивизиях состояли одна или несколько хозяйственных команд, при полевых комендатурах – одна хозяйственная группа. В немецких источниках хозяйственные команды отмечены как *Wirtschaftskommando* или же *Wi Kdo*, в отечественных – Викадо или Викдо. Значительный массив данных по работе этих хозяйственных структур на Северном Кавказе хранится в Национальном архиве в Вашингтоне – от карт городов до отчета В. Мюллера по залежам вольфрамо-молибденовых руд в Баксанском ущелье [26, 70].

Некоторые отрывочные данные имеются по хозяйственной команде *Wi Kdo 10* (Пятигорск). Эта хозяйственная команда во главе с подполковником Гюнтером имела отделения в Ростове, Сталино (Донецк), Ворошиловске, Пятигорске и Нальчике [26, 26; 27, 294]. В сферу ее интересов попали железо-хром-никелевые руды с берегов р. Малки и даже лечебная грязь из озера Тамбукан [27, 294]. Отдел труда *Wi Kdo 10* координировал строительные и дорожные работы, производил расчет с рабочими. Сельскохозяйственный отдел к концу хлебобульборочной кампании платил колхозникам за трудодни [28, 5, 9].

В период попытки ликвидации колхозов в декабре в 1942 г. в документах стали чаще упоминаться сельскохозяйственные комендатуры. Вместе с хозяйственными командами сельскохозяйственные комендатуры обеспечивали доставку продукции от населения к войскам, восстанавливали предприятия пищевой и легкой промышленности, организовывали транспортные перевозки и землемерные работы в сельской местности.

По аналогии с хозяйственными службами на Северном Кавказе специализированные группы вывозили культурные ценности и ликвидировали «нежелательные»

элементы советской культуры. В подчинении оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг» находилась команда «Кавказ», сотрудники которой обследовали культурные учреждения в поисках важных объектов и действовали южнее Дона [29, 14–15, 321–322].

Вышерассмотренные положения демонстрируют, что в условиях нацистской оккупации 1942–1943 гг. и на фоне провала проекта создания рейхскомиссариата «Кавказ» на Северном Кавказе сложилась система военной администрации, обусловленная конкретными военно-политическими обстоятельствами. Благодаря личному опыту и знаниям о Кавказе некоторые представители немецкой военно-политической элиты, прежде всего О. Бройтигам, Э. Вагнер, Э. Кестринг и Э. фон Клейст, получили возможность участвовать в координации политики Германии на оккупированной части Северного Кавказа. Основные акценты «особого» подхода расставлялись на умиротворении горского населения осторожной политикой, возрождении традиционных институтов и религии, решение аграрного вопроса и отмене колхозной системы. Данные теоретические положения свидетельствовали о попытке утверждения новой оккупационной стратегии, тем не менее, приоритеты Германии в короткий период оккупации остались связаны с политико-пропагандистским обеспечением экономической эксплуатации ресурсов. Степень реализации обещанных населению изменений была и продолжает быть объектом академических исследований, равно как и проблема избирательных репрессий в отношении общин горских евреев. Очевидно, что нацистская военная администрация на Северном Кавказе не только не препятствовала, но и содействовала работе карательных служб и исполняла фундаментальные задачи покорения восточных территорий и использования их ресурсов.

Примечания:

1. Ознакомиться с полным списком ортскомендатур можно здесь: Lexikon der Wehrmacht: Ortskommandanturen [электронный ресурс]. URL: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Gliederungen/Kommandantur/GliederungOK.htm>

2. Основными представителями местной гражданской администрации являлись бургомистры и старосты.

1. Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М.: АСТ, 2004. 312 с.

2. Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал». М., 2009.

3. Connor, S.A. Golden Pheasants and Eastern Kings: The German District Administration in the Occupied Soviet Union, 1941-1944. Windsor, 1994.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 1. Д. 2775.

5. ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99.

6. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов: в 5-ти томах / Сост. В.П. Ямпольский и др. М., 2003. Т. 3. Кн. 1.

7. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 45. Оп. 1. Д. 15.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 620.

9. Zeidler, M. Das "Kaukasische Experiment". Gab es eine Weisung Hitlers zur deutschen Besatzungspolitik im Kaukasus? Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2005, Heft 3, S. 475–500.

10. Jeloschek, A., Richter, F., Schütte, E., Semler, J. Freiwillige vom Kaukasus: Georgier, Armenier, Aserbaidzhaner, Tschetschenen u.a. auf deutscher Seite: der "Sonderverband Bergmann" und sein Gründer Theodor Oberländer. Graz und Stuttgart, 2004..

11. Cooper, M. The Phantom War: The German Struggle against Soviet Partisans, 1941-1944. London, 1979.

12. Oldenburg, M. Ideologie und militärisches Kalkül. Die Besatzungspolitik der Wehrmacht in der Sowjetunion 1942. Köln, Böhlau, 2004. 365 S.

13. Hoffmann, P. Claus Schenk Graf von Stauffenberg und seine Brüder. Stuttgart, 1992.

14. Müller, R.-D. An der Seite der Wehrmacht: Hitlers ausländische Helfer beim "Kreuzzug gegen den Bolschewismus". 1941-1945. Berlin, 2007.

15. Motadel, D. Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014.

16. Bräutigam, O. So hat es sich zugetragen ... Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg, 1968..

17. Bittendorf, H.H. von. Against Two Evils. New York, 1981.

18. Hoffmann, J. Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Orientvolker der Sowjetunion. Freiburg, 1991.

19. Управление Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 7.

20. УЦГА АС КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 4.

21. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

22. Blood, P.W. Hitler's Bandit Hunters: The SS and the Nazi Occupation of Europe. Dulles, 2006.

23. Reitlinger, G. House Built on Sand: The Conflicts of Germany Policy in Russia, 1939-1945. New York, 1960.

24. Feferman, K. Nazi Germany and the Mountain Jews: Was There a Policy? // Holocaust and Genocide Studies. 2007. Vol. 21. No. 1. Pp. 96–114.
25. Eichholtz, D. Krieg um Öl: Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel (1938-1943). Leipzig, 2006.
26. Guides to German records microfilmed at Alexandria, Va. No. 85. Washington, DC, National Archives and Records Administration, 1990.
27. Закруткин В.А. Кавказские записки. М., 1961.
28. УЦГА АС КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 8.
29. Картоотека «Z» Оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941–1942 / Под ред. М.А. Бойцова и Т.А. Васильевой. М., 1998.

Tatarov, Azamat A. – Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); traveller9090@mail.ru

NAZI MILITARY ADMINISTRATION ON THE OCCUPIED NORTH CAUCASUS DURING 1942-1943: PLANS AND PRACTICES.

Keywords: The North Caucasus, Germany, battle for the Caucasus, military administration, Caucasian experiment, “special” occupation policy.

The article presents the conceptual and practical dimensions of the Nazi military administration in the North Caucasus in 1942-1943. The issue’s relevance draws on the academic assumption on the “special” German policy in the annexed North Caucasus. The analysis of documentary material enabled reconstruction of some aspects of the German occupation policy before and during the battle for the Caucasus. Germany’s plans contained explicit contradictions. The clear goal to seize the Caucasus’s resources and geopolitical benefits coexisted with the idea of applying a brand new type of occupation strategy and propaganda to prevent the resistance of local ethnic groups prone to conventionally dismiss the state’s penetration of society. A set of documents and the expert opinions of some German military-political actors are the source of the concept of a “special” occupation policy, which is based on the idea of reviving traditional Caucasian institutions and the restrained use of military violence in national regions. It is argued that a significant gap has appeared between the theory and practice of the occupation policy. Germany failed to conquer the entire Caucasian region, establish the Reichskommissariat “Caucasus” and create an effective management system. The occupation policy did not correspond to the idea of implementing a “special” approach. In practice, the structure and functions of the military administration were reduced to the political support of economic exploitation. A system of economic services was deployed in the North Caucasus to extract strategic assets whilst the punitive authorities acted within the standard framework.

REFERENCES

1. Romanko, O.V. *Musul'manskie legiony vo Vtoroi mirovoi voine* [Muslim Legions in World War II]. Moscow, AST, 2004. 312 p.
2. Gilyazov, I.A. *Legion “Idel’-Ural”* [Legion “Idel-Ural”]. Moscow, Veche, 2009. 304 p.
3. Connor, S.A. *Golden Pheasants and Eastern Kings: The German District Administration in the Occupied Soviet Union, 1941-1944*. Windsor, Wilfrid Laurier University, 1994. 298 p.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund 7445. Inventory 1. Case 2775.
5. GARF [SARF]. Fund 7445. Inventory 2. Case 99.
6. Yampolsky, V.P., et al. (comp.). *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi*

Otechestvennoi voine. Sbornik dokumentov. V 5 t. [State security agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents. In 5 vols.]. Moscow, Rus', 2003, vol. 3, book 1. 692 p.

7. *Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishego vremeni Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki (UTsDNI AS KBR)* [Directorate of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (DCDMH AS KBR)]. Fund 45. Inventory 1. Case 15.

8. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH)]. Fund 69. Inventory 1. Case 286. 620.

9. Zeidler, M. Das "Kaukasische Experiment". Gab es eine Weisung Hitlers zur deutschen Besatzungspolitik im Kaukasus? Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2005, Heft 3, S. 475–500.

10. Jeloschek, A., Richter, F., Schütte, E., Semler, J. *Freiwillige vom Kaukasus: Georgier, Armenier, Aserbaidzhaner, Tschetschenen u.a. auf deutscher Seite: der "Sonderverband Bergmann" und sein Gründer Theodor Oberländer.* Graz und Stuttgart, Stocker Leopold Verlag, 2004. 374 S.

11. Cooper, M. *The Phantom War: The German Struggle against Soviet Partisans, 1941-1944.* London, Macdonald and Jane's, 1979. 219 pp.

12. Oldenburg, M. *Ideologie und militärisches Kalkül. Die Besatzungspolitik der Wehrmacht in der Sowjetunion 1942.* Köln, Böhlau, 2004. 365 S.

13. Hoffmann, P. *Claus Schenk Graf von Stauffenberg und seine Brüder.* Stuttgart, DVA, 1992. 672 S.

14. Müller, R.-D. *An der Seite der Wehrmacht: Hitlers ausländische Helfer beim "Kreuzzug gegen den Bolschewismus". 1941-1945.* Berlin: Christoph Links Verlag, 2007. 280 S.

15. Motadel, D. *Islam and Nazi Germany's War.* Cambridge, Harvard University Press, 2014. 512 p.

16. Bräutigam, O. *So hat es sich zugetragen ... Ein Leben als Soldat und Diplomat.* Würzburg, Holzner Verlag, 1968. 724 S.

17. Bittenfeld, H.H. von. *Against Two Evils.* New York, Rawson Wade, 1981. 318 p.

18. Hoffmann, J. *Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion.* Freiburg, Rombach Verlag, 1991. 534 S.

19. *Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki (UTsGA AS KBR)* [Directorate of the Central State Archives of the Archival Service of Kabardino-Balkaria (DCSA AS KBR)]. Fund R-290. Inventory 1. Case 7.

20. *UTsGA AS KBR [DCSA AS KBR].* Fund R-290. Inventory 1. Case 4.

21. Nekrich, A. *Nakazannye narody* [Punished Peoples]. New York, Chronicle, 1978. 170 p.

22. Blood, P.W. *Hitler's Bandit Hunters: The SS and the Nazi Occupation of Europe.* Dulles, Potomac Books, 2006. 400 p.

23. Reitlinger, G. *House Built on Sand: The Conflicts of Germany Policy in Russia, 1939-1945.* New York, Viking Press, 1960. 459 p.

24. Feferman, K. *Nazi Germany and the Mountain Jews: Was There a Policy? // Holocaust and Genocide Studies.* 2007, vol. 21, no. 1. pp. 96–114.

25. Eichholtz, D. *Krieg um Öl: Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel (1938-1943).* Leipzig, Leipziger Universitätsverlag GmbH, 2006. 141 S.

26. *Guides to German records microfilmed at Alexandria, Va. No. 85.* Washington, DC, National Archives and Records Administration, 1990. 70 p.

27. Zakrutkin, V.A. *Kavkazskie zapiski* [Caucasian Notes]. Moscow, Voenizdat, 1961. 424 p.

28. *UTsGA AS KBR [DCSA AS KBR].* Fund R-290. Inventory 1. Case 8.

29. Boitsov, M.A., Vasileva, T.A. (eds.). *Kartoteka «Z» Operativnogo shtaba «Reikhslyaiter Rozenberg». Tsennosti kul'tury na okkupirovannykh territoriyakh Rossii, Ukrainy i Belorussii* [Card file "Z" of the Operational Headquarters "Reichsleiter Rosenberg". Cultural Values in the Occupied Territories of Russia, Ukraine and Belarus. 1941-1942]. Moscow, Moscow State University, 1998. 352 p.